

В.А. ЖУКОВА

*(Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1.09 (Трифонов Ю.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ИСТОРИЧЕСКОЕ «ВОЛЬНОМЫСЛИЕ» ЮРИЯ ТРИФОНОВА В РОМАНЕ «НЕТЕРПЕНИЕ» (СЕРИЯ «ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»)

Аннотация: Статья посвящена роману Юрия Трифонова «Нетерпение», написанному для издательской серии «Пламенные революционеры». В контексте отечественного разномыслия 1970-х годов анализируются способы включения в текст исторического романа проблематики, противоречащей официальной советской идеологии.

Ключевые слова: советская литература, исторический роман, разномыслие советской эпохи, Юрий Трифонов, «Нетерпение».

В 1968 году Издательство политической литературы ЦК КПСС запустило серию беллетризованных биографий революционных деятелей под общим названием «Пламенные революционеры». По словам её редактора В. Новохатко, «серия возникла по инициативе Союза писателей СССР и Политиздата»¹.

Выбор времени для создания подобной серии несложно объяснить. В 1967 году СССР отметил пятидесятилетие Октября, но общественный интерес к событиям тех лет был велик не только из-за исторической даты. Как раз на эти годы пришёлся всплеск революционного экстремизма во всем мире. Действия партизанских отрядов, возглавляемых пламенным революционером Эрнесто Че Геварой в Конго и Боливии, организация молодежных террористических банд в Китае², появление «левых» группировок в студенческой среде в разных странах, а также энергичные попытки реформировать социализм в Восточной Европе, – всё это достаточно бурно обсуждалось в советском обществе, усиливая те настроения, которые зародились в интеллигентских кругах во время судебных процессов над А. Синявским и Ю. Даниэлем в середине шестидесятых³. Решение властей по делу пи-

¹ Тароцина С. «Острее стало ощущение шагов истории самой...» // Литературная газета. – 1978. – 5 апреля. – С. 3.

² Речь идёт о бандах хунвэйбинов. Их движение появилось после объявления культурной революции в Китае (1965-1976 гг.).

³ Суд над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем в 60-е годы спровоцировал сильный резонанс в интеллигентской среде. Строгий приговор (несколько лет лагерей за

сателей, равно как и сам суд, вызвал бурный протест, формой которого стало массовое «подписанство» в рядах интеллигенции, а также начало уличных действий со стороны её более радикальных представителей. Было очевидно, что общественное недовольство перерастает в движение. И хотя в то время это движение еще не имело своих организационных структур, но «наверху» понимали всю необходимость в активной государственной реакции.

Как отметил исследователь В.Н. Дмитриевский, в это время «[власть] судорожно укрепляет свой авторитет декоративными идеолог-пропагандистскими акциями»⁴. В качестве одной из них и задумывался новый проект Политиздата. Предполагалось, что позиция государства будет проговариваться через рассказ «о том, что думали, чувствовали, о чем мечтали ... люди, совершая поступки, вошедшие во все учебники истории»⁵, то есть через привычное истории советской литературы «очеловечивание» легендарных революционеров, превращение их в героев для нового поколения читателей.

К тому времени проза революционного содержания уже успела утратить прежнюю значимость. В случае с серией «ПР» партийное начальство ставило перед собой цель заново привлечь внимание к революционной теме. И это исключало публикацию просто «проходных» текстов: «Литературной формой были избраны <...> живые документальные романы и повести, могущие увлечь за собой не только сознание, но и чувства, воображение читателя»⁶.

Был составлен список потенциальных героев. Серия была эффектно оформлена, регулярно обновлялась. Редакция привлекла к работе над серией многих талантливых литераторов и историков тех лет (среди них – Ю. Трифонов, В. Аксенов, В. Войнович, Б. Окуджава, Н. Эйдельман и др.). Результаты этой работы были неоднозначными. С одной стороны, многие романы ПР имели читательский успех. Книги

публикацию антисоветских текстов на Западе) вызвал недовольство у всех, кто следил за ходом процесса. Именно это громкое дело подняло общественное движение на новый уровень. Формой протеста стало массовое подписанство (до этого, по свидетельству исследователя А.В. Шубина [Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: «Вече», 2008], петиционные кампании не имели такого широкого размаха). Также 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади состоялся митинг в поддержку писателей.

⁴ *Дмитриевский В.Н.* Социальный заказ – театр – зритель: система взаимосвязей // *Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое / Отв.ред.: Зоркая Н.М.* – СПб: Алетейя, 2001. С. 136.

⁵ *Логинов В.* О Романе Василия Аксенова «Любовь к электричеству» // *Юность.* – 1971. – № 3 – С. 32-33.

⁶ *Новохатко В.* «Так за царя, за Родину свякую...» // *Вопросы литературы.* – 2004. – № 2 – С. 331-345.

серии расходились огромными тиражами – «обычный тираж – 200 тысяч экземпляров, а то и больше»⁷, некоторые из них неоднократно переиздавались. С другой стороны, наиболее популярные романы⁸ «не подтвердили ожидания «отцов» партийной идеологии»⁹. Содержательно они были обращены к тем вопросам, от которых государство пыталось отвлечь общество. Архивы истории служили лазейкой для освоения современной, неудобной властям проблематики – общественные настроения после «заморозков», диссидентское движение, пересмотр некоторых глав советской истории. Большинство авторов прямо или косвенно объясняли свое согласие взяться за госзаказ возможностью «на историческом материале развивать сюжеты, которые нельзя было реализовать на современном материале»¹⁰.

Прохождение таких рукописей обеспечивалось стараниями редколлегии, заведующим которой был Владимир Новохатко. По словам В. Новохатко, в «Политиздат» он пришел, уже придерживаясь определенной гражданской и издательской позиции. В воспоминаниях¹¹ он пишет, что его понимание истории и советской действительности сформировалось во многом под влиянием работы в издательстве, выпускавшем публицистику на современные темы, – в нем он работал до того, как прийти в редакцию ПР. Книги, которые Новохатко удалось редактировать там (среди них – «Суть дела» А. Аграновского, «Спор идет» Н. Четуновой, «Что за словом» И. Зверева), убедили его в порочности советской системы (включая как идеологическую, так и экономическую ее составляющую). Также изданием книг занимались Алла Пастухова, Лариса Родкина и Галина Щербакова. Все они, по замечанию В. Новохатко, придерживались схожих с ним взглядов на советскую действительность. Это определило характер серии и выбор авторов.

В то время многое, что писалось «на злобу дня», не печаталось. Историческая проза была для советских писателей чуть ли не единственной возможностью обратиться к актуальным вопросам современ-

⁷ *Азольский А.* Посторонний // А.Азольский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litmisto.org.ua/?p=3745>http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/4/aa2.html.

⁸ Среди них – «Любовь к электричеству» В. Аксенова, «Степень доверия» В. Войновича, «Глоток свободы» Б. Окуджавы, «Глухая пора листопада» Ю. Давыдова и т.д.

⁹ *Новохатко В.* «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2 – С. 331-345.

¹⁰ *Савченко В.* Они дышали свободой (заметки о серии «Пламенные революционеры») // Знамя. – 1988. – № 11. – С. 204-210.

¹¹ См. статью В. Новохатко «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2. – С. 331-345.

ности. Публикации проходили благодаря исторической тематике, казавшейся безобидной, а также «эзоповому языку», к которому прибегали авторы в стремлении обойти цензуру, чуткую к любого рода аллегориям. В случае с книгами серии «Пламенные революционеры» к «эзоповому» языку добавлялась дружеская редакторская правка, благодаря которой тексты доводились «до такого вида, что проходило то, что хотелось сказать в подтексте, а, с другой стороны, не царапало, как говорится, партийные мозги»¹². Благодаря этому, а также тому факту, что выпускающим издательством было Издательство политической литературы ЦК КПСС, книги публиковались и доходили до своих многочисленных читателей. Литераторы получали возможность на историческом материале выразить свое отношение к событиям, происходящим вокруг, и к актуальным проблемам.

Одним из приглашенных писателей был Юрий Трифонов. Среди причин, почему прозаик решил поработать в жанре историко-революционного романа, – предположение исследователя В. Огрызко о том, что ему «надоело постоянно находиться у властей под подозрением, и он сознательно обратился в Политиздат, попросил социальный заказ, чтобы наконец доказать, что он – никакой не диссидент»¹³. Аналогичного мнения придерживается литературовед Т. Патера: «...Он на некоторое время отошел от каверзных проблем современности и углубился в безопасное героическое прошлое революционного движения в царской России»¹⁴. Действительно, в шестидесятые годы проза Юрия Трифонова становится объектом нападков со стороны советских критиков. И хотя в целом его творческая судьба складывалась относительно благополучно¹⁵, ему не удалось избежать настоящего критических отзывов. В шестидесятые годы, с выходом «московских повестей», рецензии на его прозу лишаются прежней благосклонности. Но желание прекратить болезненные уколы со стороны критиков вряд ли можно считать основной причиной, побудившей писателя взяться за госзаказ. Сам Трифонов писал о нападках

¹² См. интервью с А. Гладилиным [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivin92s.livejournal.com/7240.html>.

¹³ *Огрызко В.* Русские литераторы: Трифонов и Вампилов / В. Огрызко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=195>.

¹⁴ *Патера Т.* Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова / Т. Патера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

¹⁵ В отличие от других авторов серии – к примеру, В. Войновича и В. Аксенова, Ю. Трифонов не подвергался травле, не получал угроз из соответствующих органов.

критиков следующее: «Меня порядочно хвалили, когда я писал слабые вещи, потом достаточно ругали, когда я стал писать посильнее. Я доволен и тем, и другим»¹⁶.

Еще одной из версий, объясняющей участие Трифонова в создании серии ПР, являются «гонорары по самым высоким ставкам»¹⁷. На это, по замечанию исследователя Н. Ивановой, ссылаются многие зарубежные литературоведы: «Западная критика <...> связывает появления романа «Нетерпение» в творчестве Трифонова всего лишь с профессионально-материальными нуждами»¹⁸. Не исключено, что при заключении контракта с Политиздатом литератор действительно руководствовался именно финансовыми соображениями. За работу в серии хорошо платили. Писатель и публицист А. Житинский, выпустивший там книгу «Предназначение», в одном из интервью признался: «Я сразу получил аванс в полторы тысячи советских рублей плюс потиражные»¹⁹. Напомним, что тираж составлял 200 тысяч экземпляров, «причем массовым тиражом считалось 50 тысяч, то есть гарантировался двойной гонорар»²⁰.

Но очевидно, что Трифонов писал роман не только ради денег. Критик А. Немзер так комментирует его участие в серии: «Сводить историю контактов [писателей] с политиздатовской серией “Пламенные революционеры” к словесам о “продажности” ... было бы неправдой. Серия стимулировала “Нетерпение” – роман не лучший, но принципиальный для эволюции Трифонова»²¹. О серьезном отношении литератора к выполнению госзаказа свидетельствует качество проделанной им работы: «Тщательнейшим образом Трифонов готовился к созданию [романа], <...> им было законспектировано свыше четырехсот

¹⁶ Иванова Н. Занятия историей как оппозиционный акт / Н. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

¹⁷ Огрызко В. Русские литераторы: Трифонов и Вампилов / В. Огрызко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/index.php?p=article&nomer=6&article=195>.

¹⁸ Иванова Н. Занятия историей как оппозиционный акт / Н. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

¹⁹ Троицкая Л. Писатель, публицист, создатель первой энциклопедии русского рока Александр Житинский: «Пытаясь устроить Гребенщикову квартиру, я познакомился со своей третьей женой / Л. Троицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bulvar.com.ua/arch/2005/11/42cbea910e1a2/view_print/.

²⁰ Азольский А. Посторонний // А. Азольский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litmisto.org.ua/?p=3745http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/4/aa2.html.

²¹ Немзер А. Литературное сегодня. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/redkol/nemzer/nemze076.html.

источников»²². Можно судить, что для Трифонова это занятие не являлось чем-то второстепенным. Получившийся текст не был проходным, что подтверждает его массовое признание советскими читателями. Опубликованный в 1973 году, роман «Нетерпение» стал одной из самых популярных книг серии. Его повторно выпускали дважды: в 1974 и 1988 году. По свидетельству заведующего редакцией В. Новохатко, он «был издан общим тиражом 900 000 экземпляров»²³. Читателей привлекало в «Нетерпении» то, что привлекало в этой истории народно-большевистского движения самого Трифонова, а именно – актуальность событий далекого прошлого. Подчеркивая близость истории и современности, автор проводит в своем тексте прямые параллели с жизнью советского общества семидесятых годов XX века. Как и для многих других писателей серии, для Юрия Трифонова исторический материал был возможностью выразить свое отношение к тому, что творилось вокруг. Но в «Нетерпении» история не просто служила завесой для отвода глаз цензора.

Это было уже не первым обращением Трифонова к событиями прошлого. В 1965 году он возвращается к временам революции и гражданской войны в своей документальной повести «Отблеск костра». Повесть была посвящена памяти его отца Валентина Трифонова, профессионального революционера, убитого в годы сталинских репрессий. Поэтому, а также в силу бытовавшего тогда в шестидесятнической среде трепетного отношения к событиям Октября, образы революционеров еще были окружены в повести Трифонова романтическим ореолом. Прочно засевавшая в писательском сознании мифологема революционного подвига мешала связать времена революции, считавшиеся легендарными, и годы большого террора. Но уже в этой повести сфера творческих поисков Трифонова обозначилась достаточно четко. Этой сферой стала история.

Вырастающий из личной трагедии (гибель отца – красного командира), интерес к истории лег в основу художественных исканий Юрия Трифонова. Для него она не была собранием скучных глав. В «Отблеске костра» он пишет: «История полыхает, как громадный костер, и каждый из нас бросает в него свой хворост»²⁴. Здесь определена и роль человека. Он делатель истории. Но этой ролью не ограничива-

²² Иванова Н. Занятия историей как оппозиционный акт / Н. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>.

²³ Новохатко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2 – С. 331-345.

²⁴ Трифонов Ю.В. Отблеск костра / Ю.В. Трифонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/40119477533018.htm>.

ются отношения между ними. Пусть и подспудно, но уже в «Отблеске костра» автор пишет о человеке, как о жертве истории. И в этих колебаниях чувствуется неопределенность писательской позиции.

Поэтому не исключено, что участие в серии было во многом обусловлено определенными творческими потребностями Трифонова – оно позволило ему еще раз обратиться к волновавшим его вопросам революционного прошлого и проблеме террора. В результате, работа над «Нетерпением» оказалась важным этапом в историческом самообразовании Трифонова – он отказался от революционно-романтической оптики. В романе писатель вновь обратился к непростой роли человека в истории, и здесь, уже более уверенно, чем в «Отблеске костра», проговорил: пытаясь изменить ход истории, человек оказывается ее жертвой. С «Нетерпения» начинается пересмотр прежних взглядов Трифонова на революционное движение в России, меняется отношение к «пламенным революционерам», история становится предметом вдумчивого анализа.

По свидетельству В. Новохатко, прохождение романа «Нетерпение» через цензуру было очень тяжелым: «Чрезвычайные усилия потребовались на то, чтобы отстоять название романа Трифонова. <...> А уж как проходил издательские рогатки сам его текст. <...> Цеплялись даже не за фразу, за отдельное слово. Главный редактор сказал мне, что за этот роман перед ЦК партии я буду отвечать головой (я был его редактором)»²⁵. Но благодаря стараниям редакции роман был все-таки опубликован. Попытаемся понять, что же именно «отвоевывал» Новохатко.

В отличие от, скажем, Василия Аксенова²⁶, Трифонов выбрал относительно «безопасный», за давностью событий, исторический сюжет – народовольческое движение. Сюжет развивался вполне хрестоматийно: в его основе лежала биография Андрея Желябова, несостоявшегося царевубийцы. Повествование выстраивается, главным образом, как внутренний монолог Желябова, вспоминающего прошлое: как он попал в революционный кружок, как принимал участие в покушениях на Александра II. Из воспоминаний Желябова мы узнаем и о других народовольцах. При этом, «Трифонов остается верен традиционному преклонению перед народовольцами: он рисует их людьми, бес-

²⁵ Новохатко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2 – С. 331-345.

²⁶ В 1971 выходит его роман «Любовь к электричеству» о Л. Красине, соратнике самого Ленина.

корыстно преданными высокой идее освобождения народа»²⁷. Пожалуй, этим связь с традицией и ограничивается. Автор подчиняет сюжет своему намерению – показать движение героев в сторону террора. В текст об истории Трифонов включается неожиданную проблематику – моральную: он оценивает методы революционной борьбы с позиций нравственности. Для этого он вводит в роман фигуру Нечаева. Нечаев является воплощением всего порочного, что таит в себе революция, а именно – кровавые расправы над врагами, убийство невинных людей, обман. Образ Нечаева становится мериллом, которое помогает судить о нравственных убытках человека, вставшего на путь революционной борьбы.

Изначально Андрей Желябов скептически относится к методу Нечаева – *цель оправдывает средства*. Размышляя о «киевских бунтарях, которые собирались «с помощью самозванства и подложных манифестов будто бы от имени царя, поднять крестьянское восстание за душевой передел»²⁸, он отмечает про себя, что «не мог идти к [ним] – там был обман, пахло нечаевщиной»²⁹. Первое время Желябов склоняется к революционному движению пропагандистского толка: «... тише едешь, дальше будешь, зато уж наверняка, но конечная цель все та же – бунтовать народ! Все это было ведомо, слышано, Андрей сочувственно одобрял»³⁰. В разговоре с друзьями тестя он противопоставляет себя и своих соратников Нечаеву: «Нечаев-то – вчерашний день, его и не помнят, другие люди пришли, другие идеи владеют умами»³¹. Уже ближе к концу романа Желябов на одном из последних собраний партий «Народная воля» скажет о том, что они «заметно приблизились к [Нечаеву]»³². Среди его аргументов – готовящееся ими покушение на царя, убийство Александра II («а он не шпион, не предатель, не личный враг»³³), то есть готовность пожертвовать чужой жизнью ради дела. Замечание Андрея воспринимается народовольцами в штыки: «Что ты говоришь? Доказательства! Такими обвинениями не бросаются!»³⁴. Ан-

²⁷ Лейдерман, Н.Л., Липовецкий, М.Н. Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 2 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litmisto.org.ua/?p=3745>.

²⁸ Трифонов Ю.В. Нетерпение. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 20.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Там же. С. 100.

³² Там же. С. 468.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

дрей более сознателен в своем выборе, это отдаляет его от друзей и сближает с Нечаевым.

Автор показывает это сближение буквально, описывая встречу Желябова и Нечаева в равелине. Характерно, что в действительности этой встречи никогда не было, она была вымышлена писателем, чтобы указать на изменения, которые произошли с Андреем после того, как он встал на путь террора. Но для Трифонова Желябов и другие народовольцы, несмотря на свой нравственный расход, все равно лучше Нечаева.

В своей статье 1980 года «Нечаев, Верховенский и другие» писатель, продолжая размышлять о терроре, заметит: «Члены знаменитой «Народной воли», хотя и проклинали Нечаева за антинравственность, к концу деятельности во многом – силою обстоятельств и логикой движения – приблизились к Нечаеву. И все же глубинной своей природой они отличались от Нечаева бесконечно. <...> Тут очень существенное различие. <...> возможность гибели людей сторонних приводила их в ужас и заставляла порой откладывать покушения»³⁵.

В «Нетерпении» автор неоднократно указывает на то, что в своих действиях народовольцы отталкиваются от христианских идеалов. Так, на суде Желябов скажет: «Я признаю, что вера без дела мертва и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них пострадать»³⁶. А другой герой – Дворник в разговоре с Андреем заметит: «Нас с тобой назовут антихристами. <...> Мы ведь антихристами стали от Христа. Это я верно тебе говорю. На меня, к примеру, евангельская история не менее влияла, чем история Гракхов и Вильгельма Телля. А «цель оправдывает средства»? Разве иезуиты придумали? Макиавелли? Неправда, это есть в самом христианском учении, в подкладке, за всей красотой»³⁷. Моральная дилемма, обозначенная Трифоновым, берет свои истоки в философии Ф.М. Достоевского. Ссылаясь в своей статье на роман «Бесы», Трифонов напишет о «двойном лике терроризма: бесовское и святое»³⁸. Безнравственности действий народовольцев писатель противопоставляет нравственность их намерений, которые он признает благими. Само же движение в сторону террора Трифонов

³⁵ Трифонов Ю.В. Нечаев, Верховенский и другие / Ю.В. Трифонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iie-uran.ru/doc/27/169-175.pdf>.

³⁶ Трифонов Ю.В. Нетерпение. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 538.

³⁷ Там же. С. 169.

³⁸ Трифонов Ю.В. Нечаев, Верховенский и другие / Ю.В. Трифонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iie-uran.ru/doc/27/169-175.pdf>.

оценивает как моральное заблуждение, способное привести к гибели – в том числе и духовной: «бес рано или поздно должен убить святого <...> сначала в себе»³⁹.

Помимо встречи Желябова и Нечаева еще одной исторической вольностью – более серьезной, определившей в целом проблематику романа – являлся вопрос, который ставил Трифонов, описывая пагубную эволюцию своего героя. Это был вопрос о целесообразности террора. По словам редактора романа В. Новохатко, «всем строем романа, его смыслом, Трифонов отрицает результативность «подталкивания истории», то есть революционного пути для России, и утверждает плодотворность пути «либерального», то есть реформаторского»⁴⁰.

В «Нетерпении» Трифонов касается одного из самых важных и злободневных вопросов второй половины 60-х годов – вопроса о необходимости кровавых революции. В то время сотрудники Института истории РАН ставят под сомнение основные положения, на которые опиралась история революции. По свидетельству А.В. Шубина, исследователи обратилась к проблемам, «наводившим на мрачные размышления о советском опыте: <...> Возможны ли смены так называемых социально-экономических формаций без кровавых революций?»⁴¹.

Схожие сомнения терзают и героев трифоновского «Нетерпения». Неуверенность в правильности выбранного им пути подтверждается уже тем, что герои романа долго не могут решиться на «метод Вильгельма Телля», осуждают Нечаева. А убежденность Желябова, все же решившегося на террор, соседствует с «голосом» сомнения Александра Сыцяно («И вот тогда в разговоре я спросил Желябова: а если гибель врага повлечет за собой гибель близкого, невинного человека? Он, подумавши, ответил: «А вы готовы принести себя в жертву ради будущего России?» Я сказал, что лично себя – готов. «Так вот это и есть жертва: ваши близкие. Это и есть – вы». Признаться, его ответ показался мне чудовищным софизмом»⁴²) и «голосом» раскаяния Николая Рысакова («О вы люди милые, что будете жить через сто лет, неужто вы не почуваете, как воеет моя душа погубившая себя навеки»⁴³).

³⁹ Трифонов Ю.В. Нечаев, Верховенский и другие / Ю.В. Трифонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iie-uran.ru/doc/27/169-175.pdf>.

⁴⁰ Новохатко В. «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2 – С. 331-345.

⁴¹ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. – М.: «Вече», 2008. – С. 119

⁴² Трифонов Ю.В. Нетерпение. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 270.

⁴³ Там же. С. 529.

И Сыцялко, неудачно содействующий народолюбцам и вскоре схваченный со всей семьей, и Рысаков, убийца царя, – случайные жертвы террора, недопустимые, по мнению Трифонова.

Далеко не все тексты ПР представляют собой вдумчивый анализ исторических событий, каким является роман «Нетерпение». Но именно этот роман определил основную задачу серии – «излучать трезвое аналитическое отношение к текущим общественным процессам, обучать самостоятельному политическому мышлению»⁴⁴.

Тема революции в 1970-е годы является одной из важнейших. В это время кардинально, хотя и почти незаметно со стороны, менялись идеологические установки общества. Разномыслие проникало в разные его сферы. Благодаря идеологической неопределенности, множились точки зрения – в том числе и на историю. Серия романов, задуманная, чтобы отвлечь от «опасных» тем и воспитать в советском духе молодежь, стала одной из площадок для осторожного пересмотра истории и господствующей идеологии. Именно романы ПР стали одним из центров легального распространения новых, не слишком привычных для широкого читателя взглядов на революционные события и революционеров как участников социальных процессов.

⁴⁴ *Новохатко В.* «Так за царя, за Родину святую...» // Вопросы литературы. – 2004. – № 2 – С. 331-345.